

Евгений Соловьев

Ротшильды.

Их жизнь

и капиталистическая...

Жизнь замечательных людей

Евгений Соловьев

**Ротшильды. Их жизнь
и капиталистическая деятельность**

«Public Domain»

Соловьев Е. А.

Ротшильды. Их жизнь и капиталистическая деятельность /
Е. А. Соловьев — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вместо предисловия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Соловьев
Ротшильды
Их жизнь и капиталистическая
деятельность
Биографический очерк
С портретами Ротшильдов,
гравированными в Лейпциге
Геданом, и другими иллюстрациями

Майер-Амшель Ротшильд, основатель могущественного банкирского дома

Вместо предисловия

В последнее время в газетах все чаще и чаще начинают появляться известия о том или ином европейском или американском миллиардере. Сообщается, например, что богатч Пульман, желая выдать свою дочь за потомка когда-то владетельных принцев, предложил в приданое невероятную сумму в 200 млн. долларов (около 400 млн. рублей), или что другой богатч, Вандербильт, заплатил своей жене за развод 20 млн. рублей, или что лондонский Ротшильд выстроил для своих лошадей конюшню из белого мрамора и осветил ее электричеством... Подобных, разумеется лишь приблизительно верных, сведений можно было бы собрать очень много, и многочисленность их лучше всего говорит нам, как интересуется публика главнокомандующими современной биржи и промышленности, и как хотелось бы ей проникнуть в их интимную жизнь, спрятанную за толстыми стенами роскошных палаццо или за густою тенью вековых парков.

Интересуясь миллиардерами, публика, безусловно, права. Недаром лорда Натаниэля Ротшильда зовут “королем современной биржи”, недаром Ротшильды вообще именуются “financial rulers of nations”. В банкирских конторах под звон золота, под шелест банковых билетов решаются дела и совершаются операции, о которых не только не забудет упомянуть будущий историк XIX века, но и не преминет выдвинуть их на первый план. Ведь рядом с идиллическими известиями о бракосочетаниях и конюшнях с электрическим освещением до нас доносятся и известия совсем другого рода. Тот же Пульман, который непременно хочет, чтобы его внуки и внучки были сиятельными, еще сравнительно недавно выдержал жестокую борьбу с тысячами своих рабочих, потребовавших у него увеличения заработной платы. Мы читали о диких и страшных сценах грабежа, насилия, пожаров; о том, как все вагоны, изготовленные на заводах Пульмана и встретившиеся стачечникам, предавались разрушению, о том, наконец, как целая армия рабочих готова была идти на городок Пульмана и разрушить его до основания.

Миллиардер – понятие не только новейшего времени, а прямо наших дней. Средние века, XVI, XVII и XVIII столетия не знали его. Мы слышим, правда, о могущественных банкирских домах той эпохи, например, о еврейско-немецкой фирме Фуггеров, против власти которых, кстати сказать, так горячо предупреждал своих сограждан знаменитый Ульрих фон Гуттен. Но их капиталы сравнительно с горами золота наших Ротшильдов, Гульдов, Асторов – средневековый приземистый домик перед четырнадцатизэтажными гигантами Нью-Йорка или Чикаго. Просмотрите хотя бы следующую таблицу, посвященную одним лишь американским богачам; кто верит в могущество денег, тот не может не поверить и в могущество миллиардеров:

	Капитал в руб. золотом	Доход в руб. золотом
Джон Гульд	350 000 000	20 000 000
Джон Макей	300 000 000	15 000 000
Вандербильт	150 000 000	8 000 000
Джонс	125 000 000	6 000 000
Асторы	115 000 000	5 000 000
Стюарт	50 000 000	2 500 000
Беннет	40 000 000	2 000 000

Французу Максу Орелю, сообщившему эти цифры, они кажутся поразительными. “Вот каковы, – восклицает он, – эти князья страны долларов! Богатейшие английские состояния не составляют таких сумм. Действительно, состояние герцога Вестминстерского достигает только 100 млн. руб. золотом, а он богаче всех в Англии; состояние герцога Сутерлендского не пре-

вышает 40 млн. руб. золотом, Нортумберлендского – 30 млн. руб. золотом, а маркиза Бьюта – 25 млн. руб. золотом”.

Но если француз, принадлежащий к одной из самых богатых наций в мире, поражен этими уродливо-грандиозными цифрами, этими ихтиозаврами капитализма, – что должен почувствовать русский человек, которого до сей поры Бог миловал от всяких миллиардеров? На самом деле, у нас состояния Губониных, Кокоревых, Сибиряковых, которые едва ли можно мерить десятками миллионов, – считаются уже из ряда вон выходящими. По-американски богат был у нас, кажется, только барон Штиглиц, оставивший, как говорят, после себя около 100 миллионов рублей.

При ближайшем рассмотрении приведенной выше таблицы особенно любопытным оказывается то обстоятельство, что большая часть миллиардеров, точнее, все, кроме Асторов и Вандербильдта, – накопили свои груды золота сами в течение каких-нибудь 10 – 20 лет. По наследству они получили только здоровые руки да житейскую ловкость. Гульд нажился при постройке железных дорог, Макей и Джонс – также, Беннет – на газетном деле, изданием своей знаменитой “New-York-Herald”.

Это создание миллионов из ничего, путем одной изобретательности и сделок, безусловно, поучительно. Интересную его иллюстрацию находим мы в биографии “нефтяного короля”, американца Рокфеллера: “Еще в семидесятых годах Рокфеллер служил бухгалтером низшего разряда в одной из коммерческих контор Пенсильвании. Счастливый случай свел его с одним из тамошних чернорабочих на нефтеочистительном заводе, придумавшим усовершенствованный способ очистки нефти. Рокфеллер тесно сблизился с ним, и на свои, более чем скромные средства они открыли небольшое нефтеочистительное заведение, вырабатывавшее керосин такого превосходного качества, что дела компаньонов пошли как нельзя лучше и с первого же года дали им большую прибыль. Вскоре затем Рокфеллер и изобретатель основали товарищество нефтяного производства и вступили в секретную сделку с некоторыми из американских железных дорог. Правления последних обязались за известное процентное вознаграждение провозить возможно большее количество керосина с завода Рокфеллера и содействовать возможно большему сбыту его. Железнодорожные общества сдержали слово и настолько содействовали усилению спроса на рокфеллеровский керосин, что в восьмидесятых годах “нефтяной король”, как прозвали американцы Рокфеллера, получал приблизительно 2 миллиона рублей серебром ежегодного чистого дохода.

Примеров такого быстрого, молниеносного обогащения Европа не знает. В европейцах меньше предприимчивости, меньше охоты рисковать, больше утомления от вековой жизни, чем в американцах. Сам европейский общественный строй представляет для деятельности отдельного человека гораздо больше преград, чем строй Нового Света. Верный традициям прошлого, европеец не столько ценит роскошь, сколько комфорт; его идеал – быть рантье, то есть жить хорошо, спокойно, безбоязненно, тогда как американец любит саму пляску миллионов, сам процесс обогащения – процесс, который дает ему сильные, жгучие ощущения. Американец не успел еще познать суету сует и смотрит на мир Божий глазами Тамерлана.

Американцы – народ деловой, предприимчивый, более деловой, чем умный. Они до того заняты устройством своего *земного* житья, что вовсе не знают европейских мучительных болей и европейского разочарования. Там, сверх того, нет и двух образований, и языческий классицизм не вносит раздвоенности в душу человеческую. Там нет каст. Лица, составляющие слои в тамошнем обществе, беспрестанно меняются: они поднимаются, опускаются с итогом *credit* и *debet* каждого. Дюжая порода английских колонистов разрастается страшно; если она возьмет верх, люди с нею не сделаются счастливее, но будут довольнее. Довольство это, вероятно, будет плоше, суше, беднее того, которое носилось в идеалах романической Европы, но с ним не будет ни меланхолии, ни централизации, ни, может быть, голода.

Эта-то душевная бодрость, это отсутствие всяких традиций, всяких пут душевных и общественных, вместе с грандиозным приливом эмиграции, заселяющей все новые и новые земли большого материка, и помогает американцам с такой головокружащей быстротой создавать свои миллионы и миллиарды, не спрашивая себя, зачем и к чему, и в полной уверенности, что money making – делание денег – главное назначение человека на земле.

В сравнение с американскими миллиардерами в Европе могут идти только Ротшильды. Никто не считал их состояния, никто не знает его действительных размеров. Но по представленным ниже данным читатель увидит, что оно громадно и что, быть может, даже не имеет себе равного на земле. Оно создавалось десятилетиями; мало того, чтобы оно стало возможным, нужны были совершенно особенные, специальные условия общественной жизни – особая религия, особая нравственность, особая политическая и экономическая обстановка. Ниже мы постараемся определить все эти могущественные факторы нарастания ротшильдовских миллионов, но и предварительно будет полезно сказать по этому поводу несколько слов.

Жажда наслаждений настолько естественна и характерна для человека, что нет такой эпохи и такого периода, когда она не фигурировала бы на сцене и не играла первенствующей роли. В самых страданиях и лишениях аскетизма люди находили наслаждение гордости и деятельного упражнения воли. Но только XIX век признал эту жажду законной и с поразительной смелостью провозгласил, что ее, этой жажды, совершенно достаточно для руководства человека на земле. Для этого надо было отрешиться от всех средневековых понятий, разрушить сословные перегородки, вытравить из мышления все следы влияния церкви. Ведь церковь, несмотря ни на что, продолжала твердить, что “блаженны неимущие”, что не в земных радостях человек найдет осуществление лежащей перед ним жизненной задачи.

XVIII век реабилитировал человека и его тело. Он подорвал веру в Бога и загробную жизнь, он смеялся над бессмертием души, он учил, что человек есть цель в самом себе, что любовь к себе – его существенный руководитель, что счастье – не более чем сумма наслаждений.

С таким учением и такой философией европейское мещанство выступило на историческую сцену. Героический период его юности продолжался недолго. Уничтожив в заседаниях Национального собрания политическую силу аристократии и духовенства и поставив себя на их место, оно увидело перед собой все двери открытыми, все дороги доступными, все перегородки разрушенными. Заимствованную философию оказалось возможным применить к делу. Но это была не просто заимствованная философия, не та, которую можно прочесть у Вольтера, Руссо, Кондильяка, Гельвеция, а философия упрощенная, разменянная на мелкую ходячую монету.

Когда Дидро или Кант формулировали свое нравственное учение в словах “человек – цель в самом себе”, понимая под этим, что все в жизни должно служить человеческому счастью, что людей нельзя приносить в жертву ни Молоху государственности, ни интересам папского престола, что человеческая личность должна пользоваться уважением как таковая, без внимания к ее общественному положению, ее капиталам и доходам, – они с отвращением должны были видеть, как была понята их формула европейскими мещанами. Понята она была по упрощенному способу с дерзким пренебрежением к логике и самым элементарным нравственным требованиям. Если *я* – цель в самом себе, то все, даже *другие люди*, должны служить мне и моему счастью. Было совершенно забыто, что и другие люди – тоже цель в самих себе. Но европейский буржуа начала века присвоил себе монополию человечности. Он рассуждал, как Панург: “Всеобщая добродетель – вещь поистине превосходная, особенно если останется на свете один мошенник, и этот мошенник буду я...”

С этой поры все усилия европейского мещанства направились к тому, чтобы сохранить за собою “монополию человечности” и не допустить к участию в ее благах никого другого. Эта цель преследовалась великолепно, систематически, повсюду. Она вдохновляет и кодекс

Наполеона, и июльскую конституцию, и жизнь второй империи. В период с 1830-го по 1848 год она безусловно царила в жизни. “Французское правительство с его королем, законодательным корпусом, министрами, армией чиновников превратилось в одну громадную промышленную компанию”. В Англии было то же самое.

Спекуляция появилась на сцене специально для того, чтобы дать действительную, реальную почву этой монополии человечности. Ведь знаменитая формула “человек – это цель в самом себе” понималась очень просто. Раз нет сдерживающего начала в жизни, раз сословные перегородки разрушены, раз все мое счастье – в земных наслаждениях, то я должен искать этих наслаждений, искать их, не останавливаясь ни перед чем. Но все земные наслаждения – любовь, власть, роскошь – я могу приобрести за деньги. Следовательно, нужны деньги, деньги прежде всего.

Труд, капитал, земля и торговля – все эти источники добывания денег, завещанные прежней европейской жизнью, оказались недостаточными. Они были прекрасны в век шоссейных дорог, парусных судов, – в тот век, когда проповедь религии о блаженстве нищеты не была еще забыта совсем. Но новые условия жизни потребовали более быстрых средств обогащения и сделали их возможными.

Спекуляция существовала всегда, но только наш век дал ей достойное применение и поставил ее на первый план. Я позволю себе напомнить, как восторженно приветствовали ее, и не кто-нибудь, а люди, несомненно, проницательные, в данном случае Прудон. Нарастание миллионов, более быстрое, чем размножение микробов, поразило и его. Он не описывает нам спекуляцию, он дает нам ее панегирик, ее пиндаровскую оду:

“Еще выше труда, капитала, торговли или обмена в их многочисленных видах стоит спекуляция. Спекуляция есть не что иное, как умственная работа и изыскание различных способов, с помощью которых труд, капитал, кредит, перевозка и обмен вступают в область производства. Это она отыскивает и открывает, так сказать, гнезда и источники богатства; она изобретает самые лучшие, дешевые средства из добычи, она их умножает как путем новых способов кредита, передвижения, обмена и оборота, так и с помощью порождения новых потребностей, непрерывного, широкого распространения капиталов и приложения их... Спекуляция – гений открытий...”

Хотите видеть, как действует этот гений открытий? Прудон не скупится на примеры:

“Оптовый торговец вин вместо того, чтобы их продать за наличные деньги, сохраняет свой товар в погребе до момента, когда, по состоянию виноградников, благоприятному или неблагоприятному, возможно будет определить урожай будущего года. Наступает мороз, задерживающий разрастание лоз, град их уничтожает, постоянные дожди портят их вконец – вино значительно подымается в цене. Что же это означает? Потребление будущего года, по необходимости, придется удовлетворить урожаем текущего, и спекулянт взялся это исполнить своими запасами. Он ведь этим делает услугу обществу, а сам обогащается: сбережение им вин является для всех производством. Возьмем противоположный случай: урожай виноградников обещает быть обильным и превзошел в действительности лучшие ожидания – цена вин понижается наполовину. Торговец теряет столько же, сколько он рассчитывал выгадать. Что же случилось? Торговец, не совершив продажи, уничтожил не половину вина, сбереженного им в погребе, а лишь половину ценности этого вина. Без сомнения, можно пожалеть о том, что население подверглось произволу спекулянта, – это другой вопрос, но в этом случае последовало уничтожение ценности в такой лишь мере, в какой в первом случае последовало производство ценности.

Владелец корабля в Марселе получил из Одессы коносамент на отправленный хлеб, имеющий прибыть через месяц. По случаю неурожая зерновые продукты подымаются в цене: перевозка продуктов – производство. Ко времени, когда корабль прибыл к порту, хлеб был продан из рук в руки пять или шесть раз, всегда с барышом; разделение прибылей – производство. В

промежуток времени выгрузки товара правительство понижает таможенные пошлины на хлеб, и цена его падает на 10 %. Сделка оказывается убыточной для последнего спекулянта, который слишком рискнул, и он один платит за всех: уничтожение ценности в его руках, а вместе с этим спекулятивная производительность для всех его предшественников.

Спекуляция, таким образом, является, собственно говоря, гением открытий. Она изобретает, делает нововведения, совершает запасы, разрешает трудные задачи и, наподобие бесконечного ума, создает из ничего *ничто*. Труд, капитал и торговля исполняют ее приказания. Она – голова, те – органы; она идет впереди, те же следуют за нею”.

Что Прудон путается в вопросе и смешивает две совершенно различные вещи – это очевидно. Между спекуляцией как гением открытий, изобретающей новые пути обогащения, пускающей в оборот капиталы и труд, и спекуляцией, вся сущность которой сводится к перекладыванию денег из одного кармана в другой (например, игра на фондовой бирже), – громадная разница. Но она для нас не важна в настоящее время; нам важен лишь панегирический тон Прудона – это отражение юношеской силы и самонадеянности европейского мещанства, указание на громадную жизненную роль спекуляции в нашем столетии.

На самом деле, в течение ста лет спекулировали на всем: акциях, кредитных билетах, земле, жизненных продуктах, приисках и промыслах. Спекуляция создала могущественный класс европейских и американских миллиардеров, разрушила старое производство, разорила миллионы и обогатила десятки и сотни людей.

Деятнадцатый век бросался из одной спекуляции в другую. Он развил биржевую игру до той степени азартности и до таких размеров, что проигрыши и выигрыши миллионов в течение двух-трех часов стали обычным явлением. Он спекулировал на железных дорогах и на земле. Американские миллиардеры созданы главным образом железнодорожной и земельной спекуляциями; европейские – фондовой и железнодорожной...

Какая роль предстоит миллиардерам в будущем, станут ли они властителями вселенной, как предсказывает Буажильбер, или они не выдержат злобного натиска своих врагов – мы не знаем. Мы не можем даже предсказать, чем закончится борьба, которую они ведут между собой. Явят ли они миру пример сердечного единения, или же среди Гульдов, Ротшильдов, Асторов, Пульманов родится один Гульд, один Ротшильд, который поглотит других Гульдов и Ротшильдов, – дело будущего. Не предаваясь гаданиям, мы займемся более скромным вопросом – какая роль миллиардеров и спекуляций в наши дни?..

Грандиозная сила миллиардеров несомненна. Это – сила денег, сила соблазна земных наслаждений, против которой, по-видимому, беспомощен современный нервно-возбужденный, наследственно надтреснутый человек. Присмотритесь к литературе. О чем говорят нам бесчисленные романы Бальзака, Флобера, Мопассана, Золя?.. В сущности, как однообразна и монотонна их песня...

Бальзак первым из беллетристов понял, какую роль играют деньги в наши дни. В золоте и банковых билетах, так сказать, сосредоточилась вся сила, все могущество исчезнувшего католическо-феодалного строя. Энергия рыцаря и средневекового аскета сменилась энергией биржевика; Ротшильд заступил место папы и предписывает свои условия и даже законы светским государям. Порождение спекуляции, современные банкиры играют более могущественную роль, чем епископы и аббаты десять веков тому назад. Повторяю, Бальзак это понял и высказал с откровенностью и дерзостью гения. Публика была удивлена, когда увидела в его романах тщательное перечисление доходов и расходов действующих лиц. Она удивилась еще больше, когда с грубостью естествоиспытателя великий романист свел всю душу современного человека к жажде наживы и земных плотских наслаждений. Он не нашел в этой душе ни Бога, ни чести, ни чувства собственного достоинства. Страшной иронией, в сущности, звучит общее заглавие его произведений: “Comedie de la vie humaine” – “Комедия человеческой жизни”. Там

нет людей, там на сцене кровожадные звери, алчные и похотливые, без стыда, совести, без привязанности к чему бы то ни было, кроме радостей тела.

Читая Бальзака, удивляешься, допуская даже мысль, что он преувеличивает зло и смотрит на жизнь со слишком узкой и односторонней точки зрения, – невольно удивляешься, чем и как держится описанное им общество, где цемент, не позволяющий ему рассыпаться? Этот цемент – *bellum omnium contra omnes* – война всех против каждого каждого против всех, разнузданная конкуренция, вихрь наживы и искания успеха. Ведь вихрь, собирая в пустыне или на море смерч, придает ему определенную форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.